вому, строго «агиографическому» плану: 1) риторическое вступление; 2) повествование о жизни святого, заканчивающееся рассказом о его смерти (во всех житиях, кроме «Жития Илариона Мегленского», много внимания уделяется рассказу о праведной жизни святого в пустыне); 3) посмертные чудеса и история мощей святого; 4) похвальное слово святому, в котором Евфимий обращается к восхваляемому святому с мольбой защищать от всех бед Болгарию.

Оба жития Епифания Премудрого в целом строятся по такой же сюжетной схеме, но у него отсутствуют рассказы о посмертных чудесах, об истории мощей, что в какой-то степени нарушает обязательное правило житийного жанра.

Нельзя, однако, считать, что сюжетная житийная схема в том виде, как мы ее находим во всех житиях Евфимия Тырновского, создана мастерами южнославянской агиографии. Схема эта восходит к ранним образцам византийской агиографии, по такой же схеме были написаны уже самые ранние русские оригинальные жития — Несторово «Чтение о Борисе и Глебе» и его же «Житие Феодосия Печерского». Таким образом, говоря о том, что с конца XIV в. севернорусские жития начинают строиться по строго определенному плану, характерному и для южнославянских житий, мы совсем не обязательно должны видеть в этом подражание южнославянским житиям; достаточно яркие образцы имела и собственная русская агиография.

Риторичность, патетика, любовь к многочисленным эпитетам и сравнениям, широкое привлечение библейских образов в житиях Епифания Премудрого вполне сопоставимы с таковыми в житиях Евфимия Тырновского, но имеется и ряд особенностей, характерных как для одного, так и для другого агиографа.

Прежде всего необходимо отметить бóльшую строгость, выдержанность во всем у Евфимия. Это проявляется уже в объеме текстов: все четыре жития Евфимия, почти равные по величине (немного более других «Житие Илариона Мегленского»), невелики, что явно рассчитано на то, чтобы не утомить читателя или слушателя. Совершенно иного характера в этом отношении жития Епифания Премудрого: «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия» весьма пространны. Как считает В. О. Ключевский, епифаниевское «Житие Сергия» было позже переделано Пахомием Сербом потому, что для чтения в церкви или на трапезе «житие, написанное Епифанием, было слишком обширно».[20] В противоположность Евфимию Епифаний как бы не думает о служебном назначении своего труда, а стремится изложить все, что он считает нужным сказать о восхваляемом им святом: «...восхищение переполняет душу писателя, и слова льются неудержимо и страстно, как бы непроизвольно, вопреки авторскому сознанию своей беспомощности».[21] Нам кажется, что это очень существенная сторона творчества Епифания: он подходил к своим творениям не как к текстам церковно-служебного назначения. Об этом же свидетельствует и характер риторичности епифаниевых житий. Риторичность, панегирически-патетический тон — характерные признаки евфимиевских житий. Но и здесь Евфимий старается держаться в строгих рамках. Даже в наиболее пространной и самой пышной похвале Петке он все же сравнительно умерен: «Добре прииде христова краснаа невесто, чистаа голубице, позлащеннаа светымь духомь, девьственаа похвало, пустынножителнице, аггелом сьбеседнице, добродетели раю, чистоты крас-

---

[20] В. О. Ключевский, стр. 119.

[21] О. Ф. Коновалова. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 207.